Категория переживания в культурно-исторической психологии и практики майевтики

С.Н. Жеребцов

Цель данного доклада – обозначить продуктивность культурно-исторической психологии в понимании переживания и его роли в развитии личности, что имеет крайне важное значение для осмысленного использования различных так называемых практик майевтики, к которым относятся любые взаимодействия людей по созданию условий для личностного развития (воспитание, обучение, психотерапия, психологическая помощь и др.). Также принципиально важным является анализ посредством аппарата культурно-исторического подхода психологических механизмов личностных изменений, которые осуществляются в различных педагогических, психологических, психотерапевтических системах. В целом, как это видится автору, потенциал культурно-исторической психологии с удовлетворительной полнотой в гуманитарной сфере не осмыслен и, тем более, не использован.

Культурно-историческая психология содержит принципиальные положения о *развитии (историзме), социальной природе, опосредствованном строении психических функций и переживании как интеграторе этих функций и механизме саморазвития личности*.

Основные кризисы становления личности (от ситуации «пра-мы» в младенчестве – через 3-летний и 7-летний кризис – к подростничеству) демонстрируют нам, что необходимость удовлетворения потребностей в социальном мире, в мире готовой культуры, который застаёт человека в момент его рождения, требует от него постоянного конструирования и развития системы средств – средств влияния на окружающих людей с целью получения всего необходимого. Именно аффект (как мотивационно-эмотивная тенденция) заставляет человека открывать, создавать и развивать систему средств воздействия на другого, использовать означение и символизацию как стержневые механизмы этого воздействия. Способы воздействия на другого позволяют осуществлять самовоздействия, конституировать и активизировать внутреннюю динамику – переживания человека. Социальность и опосредствованность, таким образом, суть одно – то, что обеспечивает целостный процесс психического развития в мире культуры.

Поясним это единство кратко. Если человек, используя знаки, первоначально адресованные другому, как-либо фиксирует (обозначает) свою аффективную тенденцию (стикер на зеркале, точка на руке, один из пунктов в списке дел на следующий день), он, как и индеец с узелком на память, в этом знаке концентрирует многие свои психологические феномены, связанные с реализацией аффекта. Более того, он может отстранённо (с позиции этого знака) обозревать эти феномены, они становятся локализованными, ограниченными, осознаваемыми и управляемыми.

Система такого управления есть ни что иное, как интеллектуальная операция. Мы видим, что образуется *единство интеллекта и аффекта*, которое, как повторял Л.С. Выготский, и есть переживание. Заметим, что вне культуры и вне созданной посредством культуры в живом общении интеллектуальной системы, переживание невозможно. Если в начале пути культурного развития аффект доминирует над интеллектом, то потом соотношение между этими функциями переворачивается, и интеллект способен овладеть аффектом, его преобразовать, развить.

Но есть различные способы обозначения, обобщения, ограничения. Есть различные системы значений, которые развиваются и в культуре, и на жизненном пути отдельной личности. Более того, человек оперирует *многими* системами значений, с помощью которых он конструирует различные смысловые реальности. Он способен занять позицию «над» любой семиотической системой. Думается, в этом и заключается психологическая сущность субъектности личности – в способности обозревать одну систему значений (и связанную с ней смысловую систему) с позиции другой системы значений. Становление такой субъектности может выступать ориентиром для всех майевтических практик.

В соответствии с одним из любимейших афоризмов Л.С. Выготского, *«каково общение – таково и обобщение»*. Люди общаются и понимают друг друга в меру общего для всех толкования ситуации. Ситуация эта переживается также через осмысление, через операцию обобщения, которая строится на основе системы означения. И этот момент принципиально отличает культурно-историческую психологию от когнитивизма, который фактически игнорирует эту генетическую роль общения в этиологии мышления. В когнитивной терапии контекст общения практически не анализируется (как, например, в психоанализе), когниции изучаются по критериям реалистичности и прагматичности. И приложения когнитивизма в педагогике потенциал взаимодействия, отношения к другому не используют и даже не объясняют когниции социальным происхождением, отыскивая для объяснения, например, рефлексии, какие-то зеркальные нейроны и т.п.

Обобщённое представление реальности – это план сознания, план ирреального. Сознание – это не просто отражение реальности, но её концептуализация для удовлетворения необходимостей жизни, обнаружения возможностей более полного бытия. Переживание в нашей трактовке будет выступать процессом соотнесения реального и ирреального, действительного и возможного, когда аффект означается и становится понимаемым, когда для него определяется предмет и условия удовлетворения. Действительно, у культурно вооружённой личности отдельные эмоции и реакции, будучи означенными, становятся переживанием – «единством аффекта и интеллекта».

Сознание возникает не для простого восприятия, а как акт понимания. Понимание и есть преодоление чувственно воспринимаемого, того, что перед глазами. Осмысленное, понимающее видение – это концептуализация ситуации посредством идеальных образов, фиксированных знаками. Такое

понимание – необходимое условие собственно человеческого бытия. Э. Хемингуэй срезонировал на эту тему: «Мне всё равно, что такое мир. Всё, что я хочу знать – это как в нём жить».

Итак, обращение к другому с помощью средств есть условие обращения к себе, когда возникает мир переживаний человека как данность своего внутреннего мира себе самому. Такое самообращение Выготский понимал как овладение человека собой, как способность видеть в себе то, что можно изменить, создать *новообразование* – новое качество, новый функциональный орган. Кстати, усвоенное понятие – это наиболее распространённый во внутренней жизни и наиболее эффективный функциональный орган, с помощью которого человек и открывает себя и овладевает собой, обретая свободу. Ещё один афоризм, который в связи с этой логикой нам оставил Выготский, гласит: *«свобода – аффект в понятии»* (сравнить это можно с расхожим марксистским утверждением о свободе как осознанной необходимости: необходимость – в действии аффекта, осознанность – в понятийном мышлении).

Любое понятие – это орган осознания, отвлечения от частностей, ограничения и иерархизации внутренней феноменологии человека. Поэтому любое понятие – орган овладения собой и эмансипации от воспринимаемой ситуации, включая эмансипацию от внутренней ситуации организма – вплоть до свободы от витальных потребностей (как человек, восходящий за идею на костёр). Понятие – это психологический орган свободы.

Понятие в системе переживания имеет ещё одну важную функцию. Оно является обобщением в том смысле, что *связывает различное*, оно позволяет человеку осуществлять свободную комбинаторику теми данными, которые у него есть, чтобы получить то, чего нет. Оно в этом смысле обогащает человека самыми различными образами, неожиданными решениями. Бедность, обыденность переживания – это его фиксированность, неспособность увязать то, что относится к разным смысловым гнёздам. Повторяемость паттернов переживания – это скука, а хроническая их повторяемость – депрессия. Переживание обыденности – свойство сознания, отказавшегося от поиска. Б. Рассел говорил, что многие готовы скорее умереть, чем подумать, что, собственно, так нередко и происходит. Сопротивление против визита к психологу, сопротивление в психотерапии, сопротивление жизни вообще – тому свидетельство. Несчастный человек готов скорее гордиться своим несчастьем, чем изменить свои паттерны переживания. Необходимость нового переживания требует усилия по созданию нового средства, которым будет инициирован новый опыт (по принципу «создать, чтобы испытать, почувствовать»).

Однако свобода не является простой независимостью от чего-то. Независимость – это негативная сторона свободы («свобода от»). В этом контексте в психологии обсуждаются такие проблемы, как адаптация, управление стрессом, копинг-стратегии. Позитивный смысл свободы («свобода для») состоит в осознаваемой возможности реализовать аффект, какую-нибудь значимость. В этом контексте в психологии изучается

самореализация и осмысленная жизнь, свобода и творчество. Эти категории и обусловливают здоровое бытие, причём не просто соматическое, но и психологическое, духовное.

Схематически эту последовательность идей культурно-исторической психологии можно представить в виде рисунка:

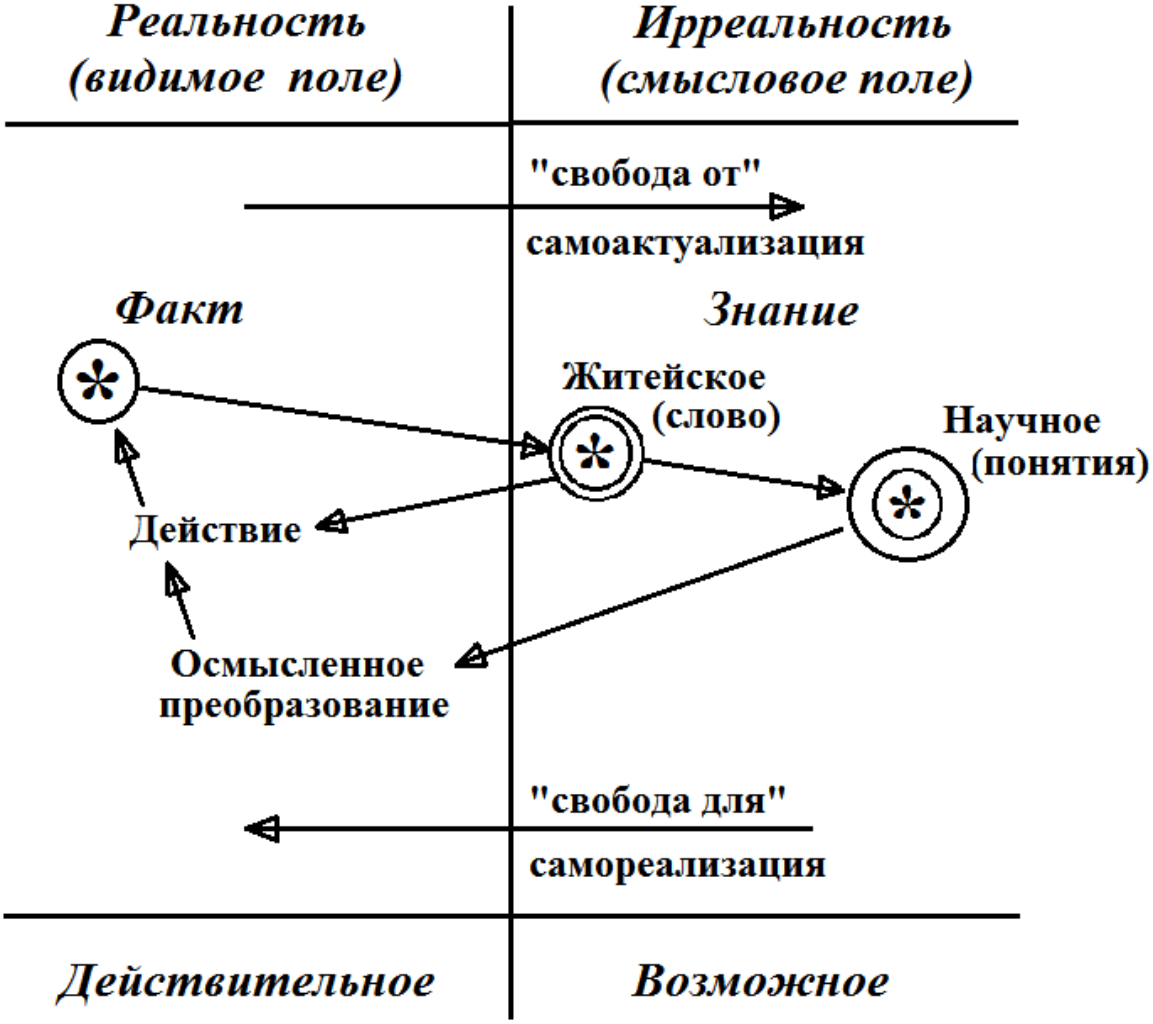

Рис. 1. Переживание как соотнесение действительного и возможного

Л.С. Выготский описывает ситуацию, когда у животных, маленьких детей восприятие сразу определяет моторику, т.е. воспринимаемое поле – это руководство к действию, восприятие связано непосредственно с действием. Совсем другую ситуацию мы имеем, когда между восприятием и действием стоит знак, слово, особенно научное понятие. Интересно, что разрушение речи даже у взрослого человека (при афазии) приводит вновь к этой зависимости от видимого поля. «Лишенный речи, которая сделала бы его свободным от видимой ситуации и позволила планировать связную последовательность действий, афазик оказывается рабом непосредственной ситуации в сто раз больше, чем ребенок, владеющий речью» [1, с. 26]. При распаде сознания, который отнимает субъекта у него самого, вся внутренняя

единая динамика распадается на отдельные процессы, которые подчинены только инстинктивному, рефлекторному поведению в воспринимаемой ситуации, человек становится реагирующим организмом.

Использование знаков, понятий делает человека особенным живым существом. Если все другие живые существа болеют по причинам, заложенным в теле или в среде, то человек имеет ещё *отношение* к своей жизни, к своему телу, к своему окружению. И это *отношение* принципиально. Оно либо раскрепощает, приумножает силы организма, либо угнетает их, приводя к болезням и даже к смерти. Само это отношение возможно благодаря смысловой системе личности, порождённой знаками, символами, словами, понятиями. Также важно осознавать, что высокоорганизованный интеллект может обслуживать деструктивные характерологические тенденции (нарциссизм, психопатия, паранойя, маниакальность, депрессивность, шизоидность и др.), усиливать функциональную фиксацию прошлого опыта. Понятийное мышление играет разные роли в драме развития, оно – не гарантия, но возможность здоровья и жизнеутверждающего переживания. Весь вопрос заключён не в самой логике мышления, а в том, чему служит эта логика, какую ценность она обслуживает. И тогда именно *новые значимые отношения могут создать возможность переосмысления себя и мира, выработать на базе этих отношений новую смысловую систему*. Если в психоанализе мышление – это то, что, как правило, обслуживает сексуальные, эмоциональные, характерологические тенденции человека, то в культурно-исторической психологии оно создаёт и перестраивает и сексуальность, и эмоциональность, и тенденциозность психики.

Выготский обращал наше внимание на то, что *мысль не выражается в слове, но рождается в нём*. Применительно к переживанию мы можем сказать, что оно не выражается в жесте, мимике, голосе, слове, но рождается в них. Отметим, что и жест, и мимика, и голос, и слово – это то, что обращено другому, всё это используется как знак и имеет значение. Переживание по сути – это живая обращённость прежде всего к Другому, а потом к себе как другому. Переживание можно определить как процесс создания ситуации понимания, жизненно значимого для субъекта. Если человек что-то чувствует, всегда уместен вопрос о том, что и кому это чувство сообщает. Для того, кто занимается практикой майевтики, принципиален вопрос и о содержании высказывания, и о его значении в контексте данного взаимодействия. Только такая трактовка поможет взаимодействующим субъектам быть в зоне ближайшего развития и создавать новообразования.

Далее можно зафиксировать тезис, в соответствии с которым внутренний мир человека, его переживания будут развиваться по линии развития понятийной системы, и в целом системы значений. В различении Выготским житейских и научных понятий, в продвижении от одних к другим, кроется эта логика развития. Вообще мы можем констатировать, что *в развитии отношений между знаком и значением сосредоточен*

центральный вопрос генеза внутреннего мира человека. Этот вопрос может звучать так: с помощью чего я что-то могу увидеть (воспринять, понять, пережить), или видеть по-другому, изменить свои переживания? Или: как я могу жить более наполненной жизнью? И здесь посредническая деятельность – магистральный путь развития или терапевтического процесса. (Заметим, что посредническая деятельность психолога, педагога – необходимое условие овладения средствами внутренней деятельности). Инициация нового опыта, нового переживания возможна только с помощью нового средства, или нового использования старого средства. Сама жизненная необходимость толкает человека к развитию, а страдание – к излечению (по Н.А. Бернштейну «задача рождает орган»). Каждый практикующий психолог не раз убеждался, что если у человека есть ясно представляемое желание, и если отсутствует вторичная выгода при его фрустрации, он находит (создаёт) и средства для удовлетворения этого желания. Конечно, этот процесс не автоматический, но вполне действенный при посреднической роли психолога. (Р. Лэйнг в этой связи заметил, что «теория – это ясно выраженное переживание»).

Конечно, при постановке вопроса «Как я могу жить по-иному?» возникает образ человека – собеседника психолога или психотерапевта. Но крайне редко проблемы психологической помощи и психотерапии осмысляются в контексте идеи о соотношении знака и значения, об извлечении каких-то значимостей и наполнении ими своей жизни посредством знака, идеи о развитии системы значений личности, характере используемых понятий, создании функциональных органов. Заметим, фактическое игнорирование этих вопросов, стихийное развитие системы значений мы имеем практически во всех направлениях психологической помощи, системах обучения и воспитания (кроме, пожалуй, системы развивающего обучения, и практики специальной психологии, базирующихся на фундаменте культурно-исторической психологии). Призывы когнитивных терапевтов, психоаналитиков, гештальт-терапевтов к осознанности должны опираться на понимание природы и сущности сознания.

З. Фрейд, построивший свою психотерапию на анализе переноса и контрпереноса, полагал, что лексика пациента скрывает патогенное бессознательное содержание, поэтому он практически игнорировал психологию речи, которая использовалась его пациентом, а также вопрос о том, насколько она способствовала или препятствовала новому видению. И нужное слово или систему понятий человек, подвергнутый анализу, обретает (изобретает) стихийно, часто в многолетних поисках, что и переживается им как инсайт, как открытие нового жизненного мира. Даже свои собственные интерпретации психотерапевт далеко не всегда рефлексирует с позиции их соответствия понятийной системе клиента, *зоне его ближайшего развития*. Динамика смысла, изменение отношения к происходящему, порождение новой реальности – всё это зависимо от знаково-символических артефактов – знаков, слов как знаков, понятий как слов. Действительно, как корабль назовёшь… «Лишь слову жизнь дана», – отмечает И. Бунин. Важными в

связи с этим выступают идеи об органопроекции П. Флоренского, и о функциональном органе А. Ухтомского. Всё это принципиально для работы переживания и развития человека. Однако то, чем человек переживает (какими средствами), – в психологии систематически изучается крайне редко. В такой трактовке об опосредствовании переживаний культура – не только и не столько репрессивная сила, источник травм, сколько «приглашение к развитию», источник средств и образцов, потенциал жизнеутверждающих переживаний, возможность субъектности личности. И личность формирует свои свойства не только и не столько в переживании травм, сколько *в переживании значимых событий*. И детство – хоть и существенная, но не исключительная эпоха жизни человека, когда его свойства формируются. Напротив, развитие личности взрослого и есть способ его бытия, развитость сознания – это интенсивность переживания, ведущего к новообразованиям. Только человек, напоминал М.К. Мамардашвилли, постоянно находится в состоянии зановорождения.

Убеждения гораздо вероятнее становятся болезнетворными предубеждениями в пространстве сознания, организованного житейскими понятиями. Именно научные понятия – средства ориентировки в сложном мире. Они более адекватны сложности, противоречивости, изменчивости мира. Научные понятия как основа субъектности позволяют говорить о человеке как единстве разнообразия, соответствующем разнообразию мира. Смысловые системы сознания, построенные на научных понятиях, не избавляют, конечно, от психосоматической симптоматики. Но характер этих симптомов, их роль в личностной динамике будет совершенно иной, если сознание человека научно, основано на диалектической логике. Сам симптом в пространстве творческого человека, рефлексирующего себя и свою жизнь на научной основе, становится знаком личности, а не её поработителем.

Внутренний мир человека становится динамичным, действительно живым и наполненным, если он имеет определённую культурную вооружённость. Она – возможность диалогизма переживаний, что Выготский поясняет посредством идеи о *сознании как динамической смысловой системе*. Динамика смысловой системы – это и есть работа переживания. Такая работа состоит в построении и разрушении границ смысла, в его превращении. Ж. Батай назвал этот опыт постоянного преодоления границ трансгрессией [2], которая есть постоянное преодоление очевидности в познании, постоянное преодоление себя. Требование от жизни новизны и полноты оборачивается для человека требованием к себе по созданию соответствующих функциональных органов. Внутренний мир, разворачивающийся в переживании – это потенциал свободы, новизны, полноты, вовлечённости.

Динамику смысловой системе сознания придаёт развитая степень общности понятий. Понятие насыщает сознание множеством связей с другими понятиями. Абстракции создают условия для усиления субъектности человека, когда он может действовать не только в воспринимаемом поле, не только в настоящем времени, но и в прошлом, и в

будущем, и в самых разнообразных системах координат – различных смысловых системах. Человек в личностном плане становится другим, овладевает собой: *«один шаг в обучении может означать сто шагов в развитии»*. Важно, что после этой крылатой фразы из работы «Мышление и речь» Выготский говорит, что «это самый положительный момент новой теории» [Выготский, 1982, с. 230]. Новообразование позволяет человеку развиваться сразу по нескольким взаимосвязанным направлениям. Человек становится способным играть контекстами во внутреннем мире, чтобы осуществлять трансформации в мире действительном, у него развивается способность к экспериментированию, опробованию средств, *способность к игровому переживанию* [3, 4]. Сознание, деятельность которого характеризуется игровым переживанием, становится органом совладания с неопределённостью.

Реальность в игровом переживании теряет свою обыденность, давящую необходимость, становится очеловеченной. Обыденность – привычный, удобный, простой, но статичный модус бытия. Обыденность парализует личностное развитие. В. Маяковский прекрасно справлялся с обыденностью:

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

Игровое переживание создаёт царство смысла и возможностей по отношению к обыденности и необходимости. Однако это – напряжённая экзистенция, требующая усилия и мужества, поскольку в каждом игровом действии (как внутреннем, так и внешнем) в единстве выступают и эмоциональная привлекательность, и высокая самоорганизация. Поэтому в игровом переживании аффекты и понятия обратимы. Л.С. Выготский в этом видел парадоксальность игры: ребенок действует по линии наименьшего сопротивления (получает удовольствие), но научается действовать по линии наибольшего сопротивления. Здесь открывается возможность для каждого человека жить с усилием, но без насилия над собой. Усилие в генезе функции превращения необходимо для развития системы значений, для возведения слова в понятие, для перехода от житейских понятий к научным. Слово, а потом и научное понятие на службе у личности означает и одновременно онтологизирует, превращает переживание; имеет место расширение пространства жизни в развитии значений.

Идея компенсации А. Адлера – это тоже идея о превращении человека. Превращение здесь реализуется не благодаря, а вопреки. Переживание неполноценности, невозможность реализовать какую-либо значимость – мотиватор развития и самооизменения. Новые формы жизни, сама новизна становится мотивом активности для человека. Т.е. превращение человека – это результат борьбы с собственным несовершенством, с ущербностью, с неполнотой жизни. Но борьба эта может иметь различный результат. Она, в конце концов, может быть проиграна. В развитии ничего не гарантировано. У свободы нет гарантий. Победа становится более вероятной, если человек

имеет достаточный для этой победы арсенал средств – компенсаторных механизмов, смежных функций, но прежде всего культурных органов. За счёт культурных органов в работе переживания человек создаёт надстраивающиеся над дефектом процессы. Т.е. у конструктивной работы переживания должны быть средства. Развитие через переживание, развитие как метаморфоза – это свобода человека определять по своему замыслу отношение, внутреннюю позицию к происходящему.

Итак, определённый уровень общекультурного развития создаёт возможность полифонии сознания (по М.М. Бахтину), или полицентризма сознания (по Г.М. Кучинскому). Субъект в попытке повлиять нужным образом на значимого человека актуализирует один из голосов (релевантных смысловых центров), или формирует новое понятие (создаёт новый центр, новообразование), вокруг которого образуются новые смысловые сети. Поэтому *сознание является органом свободы в той мере, в которой оно выступает органом понимания другого*. Психология и этика, сознание и нравственность, как видим, здесь сходятся. Вообще, переживание только и возможно как нравственная категория, поскольку понять, создать, пережить, содействовать – это неразрывные процессы.

Важнейшим моментом в содействии развитию, если опираться на принципы культурно-исторической психологии (историзм, социальность и опосредствованность), выступает возможность и необходимость объяснения другому, необходимость быть понятым. Поясню, какое объяснение я имею ввиду.

Наиболее наглядно это можно рассмотреть на примере развития детской игры. Известно, что игра выступает основной деятельностью дошкольника, хотя и на более поздних стадиях жизненного пути игровые формы поведения и общения очень важны. Когда игра дошкольника становится игрой с правилами – это момент развития личности колоссальной важности. Правило не просто научает ребёнка подчиняться, ориентироваться на социально установленную норму. Правило игры, *которое одним ребёнком объясняется другому*, отчуждается от ребёнка, становится зримым для него. Это позволяет данное правило рассматривать как социальную норму, ставшую средством психической деятельности, деятельности сознания. Но это правило обретает очевидность для ребёнка именно в общении. Начав его использовать как средство воздействия на другого ребёнка (чтобы вовлечь его в игру и контролировать соблюдение им правил), затем он употребляет его как средство самовоздействия. Ребёнок как субъект общения должен быть уверен в понимании, поэтому он на правило пытается смотреть обобщенно, оно должно быть кратким, понятным собеседнику. Вместе с изложением этого правила ребёнок усиливает самоконтроль, саморегуляцию, он усиливает субъектность, становится личностью. В общении обнаруживается общее смысловое пространство для ребёнка и его собеседника. Т.е. объяснение другому позволяет по-настоящему состояться процессу присвоения человеком способов совместной деятельности (состояться *интериоризации*). А способ совместной деятельности фиксируется в понятии. Часто после

своего объяснения ребёнок буквально переспрашивает: «понял?» Таким образом, процесс объяснения-понимания – это психологический комплекс, который можно назвать диалогом, интериоризация которого конституирует переживание.

Интересно, что Сократ – основоположник практики майевтики – начинал свои диалоги с побуждения собеседника пояснить простые, чувственно данные, очевидные положения (читай: «житейские понятия»), после чего наводил его вопросами на разворачивание скрытых и более сущностных свойств обсуждаемых феноменов (т.е. «научных понятий»).

Принимая во внимание эти идеи, можно более осознанно строить развивающее взаимодействие, причём не только с детьми-дошкольниками, или младшими школьниками, но и с детьми более старших возрастов, со студентами и взрослыми. Как видим, *попытка объяснить другому какой-то процесс – лучший способ этот процесс понять, усвоить понятие, т.е. обрести новообразование. Обучается, как видим, именно объясняющий. Развивается, следовательно, также только тот, кто является субъектом сообщения и диалога*.

Объяснение делает объясняющего субъектом, позволяет занять позицию к ситуации, к другому человеку, к его мнению, сделать очевидной функцию знака, символа, понятия. Такая субъектность (способность по своему выбору формировать отношение) дарит свободу. Поэтому Л.С. Выготский подчёркивал, что центр личности – в её волевом, свободном поступке, осознанном выборе. Более того, свободное самоопределение – это также выработка в себе новообразования, т.е. психологического функционального органа, который является признаком развития. Таким образом, *свобода и развитие – два неразрывных аспекта бытия личности*. Человек вне свободного выбора, вне развития – не личность, а организм, которому нет необходимость ни сознавать, ни переживать.

На основе этой идеи культурно-исторической психологии также уместно сделать пояснение относительно механизма психологической помощи переживающему человеку. Когда он рассказывает психологу о своих переживаниях, объясняет, почему и как в той или иной ситуации он испытывает те или иные чувства, т.е. *он делает для психолога очевидным способ формирования своего отношения к ситуации, концептуализирует этот способ через означение, универсализирует его посредством понятия*. Тем самым, и это принципиально, *он делает очевидным этот схематизм переживания для себя*. Т.е. означивание собственного поведения (переживания) есть овладение им. Осознание своего способа коституирования переживания или любого отношения делает человека свободным, он может этот способ трансформировать, он может творить свой мир. Не стихия жизни владеет им, а он – ею. *Он может различными путями реализовать какую-либо свою значимость. Он может свободно оперировать культурными средствами в своём внутреннем мире, играть в самом себе, его внутренняя жизнь обретает характеристики игрового переживания.*

Такую логику психотерапии (или психотехники) по созданию органов-понятий для осуществления определённых операций мы обнаруживаем в методике Выготского-Сахарова, которая является и диагностической, и развивающей одновременно (что не случайно).

В свете этой идеи все ситуации психологической помощи, в которых человек разъясняет психологу жизненную трудность и переживания, с ней связанные, потенциально являются развивающими: интерпсихическая форма превращается в интрапсихическую. При этом не так важна ориентация психолога на какую-либо концепцию: если его визави пытается через рассказ и ответы на уточняющие вопросы осознать свой способ конституирования переживания, то это само себе терапевтично. Не случаен в этой связи тот факт, что уже в самом начале работы (на первых встречах) человеку часто становится легче. И такой терапевтической динамики на последующих этапах добиться бывает достаточно сложно (возникает сопротивление – растерянность перед открывающейся стихией возможностей, переживание страха потерять себя). Инсайты в процессе психоанализа также могут быть объяснены этим механизмом. Инсайт в работе с психологом – это момент овладения неким принципом, по которому запускается то или иное переживание.

Такой подход задаёт и определённую технологию работы для психолога. Он должен быть настроен на понимание, чтобы помочь человеку в диалоге обрести самопонимание – способность осознавать, развиваться, освобождаться. И это не «лечение», а помощь человеку в обретении культурных средств для высвобождения жизненного потенциала. Прав Дж. Бюдженталь, заметивший, что мы не лечим болезни, а освобождаем пленников.

Пример деятельности психолога здесь не случаен: «повивальной бабкой» развития является не только он, но и преподаватель, родитель, друг – любой человек, который намерен сознательно содействовать становлению Другого.

Субъект-субъектное, диалогическое обучение, о котором так много говорится в последнее время, остаётся часто просто модной присказкой, если в нём нет осознанной реализации механизма, описанного выше. Очевидно в этом контексте, что применение дистанционных форм обучения, тестового контроля знаний и прочие симптомы педагогической изоляции вредят культивированию «человеческого в человеке» – сознания и переживания, которые бытийствуют как интерпсихические феномены.

Нужно ещё отметить неслучайность игры в развитии личности и игрового переживания как её основной характеристики: личность (сущностью которой является свобода и развитие) немыслима без творческого, внутренне мотивированного действия в пространстве условности, посредством которого рождается смысл. Человек свободный – на границе реального и условного. Игра как деятельность в сфере условного порождает смысл как необходимость жизни в реальности. Современная ситуация абсурда и бессмысленности, отчаяния и деструктивности должна и

может преодолеваться прежде всего в практиках содействия человеку в его развитии.

Взаимоотношения и взаимодействия переживающих личностей, несущие в себе значения и смыслы для продуктивной жизнедеятельности человека и есть ключевое условие психологической помощи, психотерапии, обучения, поскольку так рождается посреднический акт. Точнее, это не просто условие, но и сама суть помощи человеку в развитии: новообразование, необходимое в критической ситуации, возникает как вращивание социальных отношений. Интерперсональный план психологической помощи заключается в размещении с помощью психолога жизненной ситуации клиента в процессе диалога таким образом, чтобы собеседник обретал точки опоры для саморегуляции, как это делал больной-паркинсоник в примере Л.С. Выготского: кроме просьбы врача идти, вызывавшей первоначально напряжение и тремор, он затем видел перед собой кусочки бумаги, необходимые для пошагового движения.

В немалой степени современному состоянию одинокого, потерянного, отчуждённого, депрессивного и больного человека способствовало картезианское разделение души и тела, дуализм в понимании психологической жизни. Л.С. Выготский, критикуя полное разделение сознания и жизни в философии Р. Декарта, пишет, что у него «…жизнь оказывается абсолютно бессмысленной, страсти – абсолютно безжизненными» [5, с. 267]. Этим разделением питаются ростки позитивизма в психологии и во всей гуманитаристике. Данное решение вопроса о единстве души и тела в принципе имеет самое непосредственное отношение к возможности каждого из нас быть живым и здоровым. Эта дилемма, которую сформулировал У. МакДауголл ещё в начале 20 века относительно развития психологии, звучит предельно просто: человек или автомат.

Именно в теоретической традиции культурно-исторической психологии были операционализированы понятия и сформулированы идеи, которые выступают необходимыми для содействия человеку в овладении собой, в его способности так переживать события жизни, чтобы это переживание не разрушало саму жизнь, а служило её развитию. Стоит заметить, что культурно-историческая теория во многом опередила становление медицинской психологии, психологической помощи и психотерапии как видов деятельности по содействию человеку посредством диалога и формирующих личностные новообразования психологических процедур в разрешении жизненных проблем.

Литература

1. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 5–90.
2. Батай, Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай / Пер. с фр. – Спб.: Аксиома, Мифрил, 1997. – 336 с.
3. Жеребцов, С.Н. Способность к игровому переживанию как цель психологической помощи / С.Н. Жеребцов // Психосоциальная

адаптация в трансформирующемся обществе: социализация субъекта на разных этапах онтогенеза [Электронный ресурс] : материалы IV Междунар. науч. конф., Минск, 21–22 мая 2015 г. / И. А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. – Электрон. дан. (22,7 Мб). – Минск: Изд. центр БГУ, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 163–166.

4. Сериков, А.В. Способность к игровому переживанию как условие устойчивости личности к психосоматическим расстройствам / А.В. Сериков // Культурно-историческая психология, 2017, Т.13, № 4. – С. 118–126.
5. Выготский, Л.С. Учение об эмоциях / Л.С. Выготский // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 91–318.